

Волшебство и трудолюбие
Кончаловская Наталья

У Эжени Коттон

Собаку, которая стерегла эту виллу в Севре, звали Джек. Эме Коттон очень любил ее и, проходя мимо, всегда с ней разговаривал. Когда семейство Коттонов решило купить эту виллу, Эме попросил хозяев продать ему и собаку. И вся вилла с того времени стала называться «Джек». С тех пор прошло сорок лет. И дети, и внуки Коттонов выросли на этой вилле, и все разлетелись. Сейчас там жила только сама Эжени Коттон со своей секретаршей. Сюда она и пригласила меня в один из осенних дней. Она позвонила мне рано утром.

— Я жду вас, мадам, сегодня ко второму завтраку, и слушайте внимательно, как вам надо ехать, потому что сегодня у меня, к сожалению, нет машины. — И она подробно рассказала мне, где я должна сесть в метро, где пересест, где вылезти и по какой улице дойти до виллы «Джек».

К двенадцати часам дня я стояла возле железной калитки особняка. Мадам Коттон уже ждала меня у входа и радушно провела по витой лесенке на второй этаж, в свои комнаты. Я очутилась наяву в мире, которому отдавала целый год своей работы, своих мыслей и чувств.

Это была книга об Эжени Коттон, написанная по материалам, частью присланным ею нашим журналистам, частью собранным во французской периодической печати. Первая часть книги была мной уже написана, переведена на французский язык и отослана Эжени Коттон незадолго до нашей встречи. Теперь мне предстояло выслушать ее мнение о моей работе.

Когда в течение долгого времени имеешь дело со множеством материалов и фотографий из чьей-то жизни, а потом вдруг попадаешь к этому человеку в дом, то все кажется до того знакомым и близким, словно это часть твоего собственного существования. Вот с таким чувством я входила в кабинет Эжени Коттон, сплошь уставленный реликвиями ее многолетней деятельности в Международной ассоциации женщин и в движении Сопротивления. Все это сохранялось, как в музее, и во всем жила ее неистребимая сила и воля, ее темперамент, ее патриотизм.

Мне было дорого увидеть ее в этой обстановке и провести с ней час или два в беседе. Сидя с ней в маленькой столовой у окна, вид из которого мне был хорошо знаком по одной из фотографий, я разглядывала ее странное подвижное лицо удлиненной формы, с темными, всегда излучавшими внутренний огонь глазами, а над ними спокойный лоб и на прямой ряд расчесанные снежно-белые волосы.

Накануне мне довелось присутствовать на ее восьмидесятилетнем юбилее в Ассоциации французских женщин. Гости со всех концов земли чествовали ее как старейшего и популярнейшего деятеля женского международного движения за мир. Но и там среди поздравительниц самого разного возраста она выглядела

моложавой, бодрой, полной достоинства и приветливости, полной женского обаяния. Она была просто хороша собой, эта старая парижанка, а от всего, что она говорила, веяло свежестью молодого, горячего ума.

И вот сейчас, у себя дома, все ее поведение, манера говорить и выслушивать, ее поза, улыбка, движения были полны такой простоты и искренности, что трудно было представить себе, что перед вами одна из виднейших женщин всего мира.

Желтоватыми руками с узкими ладонями она разворачивала прозрачную бумагу, в которой были завернуты георгины огненного цвета, которые я выбрала для нее в цветочном магазине. Они были типа хризантем, с длинными трубчатými лепестками, эти далии, как их называют во Франции. Эжени развернула их и, оглядевшись, увидела, что все вазы были заняты цветами, присланными к ее юбилею. Тогда она подошла к столу и, улыбаясь, присоединила мои цветы к стоявшим в хрустальной вазе оранжево-желтым далиям.

Лучи осеннего солнца падали на стол, за которым мы уселись, и на букет в хрустальной вазе, и казалось, что перед нами запылал костер.

Мне страстно хотелось начать разговор о моей работе, но чем дольше я вглядывалась в окружающее, тем неуверенней я чувствовала себя. Автобиографические данные, присланные самой Эжени Коттон, в конце концов, были только схемой ее бытия, а за ними стоял живой человек во плоти и его особая сущность. Выцветшие фотографии давних лет могли помочь угадать какие-то черты характера, да и человек-то так меняется с годами, что, глядя на такую фотографию, иной раз и сам удивляется, вспоминая себя в прошлом. Но главное, что сейчас меня тревожило, это статьи и очерки об Эжени Коттон, взятые из периодической печати, подробно и интимно вторгающиеся в жизнь семьи Коттонов.

Когда книгу пишет не журналист и не публицист, а прозаик, придавая ей еще свой художественный домысел, то можно забрести в такие дебри фантазии, что от подлинного образа ничего не остается. Вот чего я боялась, и как раз это и произошло.

Угадав мою тревогу, Эжени сама подняла этот трудный для меня разговор.

— Вы знаете, мадам, — начала она с мягкой улыбкой, узкой рукой разглаживая скатерть на столе, — я прочла вашу рукопись. Она, конечно, прелестно написана, но должна признаться, что очень многое там совершенно не соответствует действительности. Мы с моей секретаршей читали вместе и над некоторыми страницами хохотали до упаду. Вот, например, вы пишете, что меня, как только я родилась, отправили в Нормандию, на берег моря, к кормилице, которая имела грудного сына, и она якобы выкормила нас обоих. А между тем эта женщина не была моей кормилицей и сыну ее было восемь лет, когда меня привезли, представляете, как это смешно выглядит! И таких подробностей слишком много для того, чтобы считать вашу книгу правдивой. Скажите, а откуда у вас эти подробности?

— Все это было в материалах, мадам Коттон, и я считала, что это прислано вами.

— Нет, нет, мадам, я слишком хорошо знаю наших писак, которые любят заработать на сенсационных сообщениях. Они нередко грешат, изобретая факты, придумывая небылицы, и я с ними стараюсь не иметь дела. Вот почему не рекомендуется принимать всерьез эти статьи. У нас никто не придает значения этой прессе. Но в других странах к этому относятся зачастую как к документам, и, пока жив человек, о котором пишут, лучше проверять у него самого подлинность событий.

Я сидела молча и внимательно выслушивала критику, мне нечем было оправдаться. Вошла секретарша, еще молодая энергичная женщина, все это время хлопотавшая над приготовлением завтрака на кухне. Поздоровавшись, она начала сервировать стол на троих. Поставила бутылку красного вина и корзиночку с еще теплым длинным, узким батоном, нарезанным на кусочки. В керамических мисочках появились закуски, в которых французы большие специалисты. Тут был и паштет из гусиной печени, и анчоусы с зелеными оливками, и тончайшие ломтики пикантной итальянской колбасы салями. Мы принялись за еду.

— А почему бы вам, — продолжала Эжени, разламывая кусок батона и намазывая его маслом, — почему бы не перевести моей книги, написанной о моем муже Эме? Ведь там все и обо мне. Переведите эту книгу, вместо того чтобы выдумывать еще одну очередную «правду» о моей жизни! — Она потянулась за бутылкой. — Хотите вина? Это хорошее старое бордо. Давайте выпьем за нашу встречу.

Густое темное вино заиграло в хрустальных чашках, солнце пронизывало их насквозь, и накрахмаленная скатерть отражала пунцовые блики. Секретарша выбежала на кухню и вернулась с блюдом жареных кусков филейного мяса с зеленым горошком. Потом она принесла салат, который французы обычно едят после мяса, и, наконец, внесла деревянное блюдо с несколькими сортами сыра. За сыром обычно следует кофе и фрукты. Все было по правилам французской кухни, и все было хорошо приготовлено.

— Видите, какая превосходная хозяйка! — говорила мадам Коттон, ласково поглядывая на свою помощницу. — И она меня каждый день так опекает! За ваше здоровье, милочка! — Эжени пригубила от чашки и, улыбаясь искривленной улыбкой (из-за своей верхней губы, искалеченной с детства), снова обратилась ко мне: — Вот когда меня не будет на свете, тогда можно будет писать обо мне все, что угодно! — весело шутила она, поглядывая на меня. — Так что отложите издание вашей книги. Думаю, что долго ждать не придется. — Все это было сказано с большой легкостью и непринужденностью. Но я поняла, что ничего из того, что мной было написано, никогда не появится в печати.

Не чувствуя себя ни уязвленной, ни огорченной, я только еще отчетливей осознала всю трудность и ответственность работы по документам о современнике. Какой же чуткостью надо было обладать, чтобы так достойно, умно и добро указать писателю на его заблуждения и этим избавить его от дальнейших!

Потом разговор принял совсем иное направление. Я вспомнила, что в своей автобиографии Эжени большое место уделяла своим предкам. Со всей серьезностью она писала, что бабушка ее с материнской стороны была настоящей маркизой. И когда прадед-маркиз погиб от руки мятежников во времена революции, то маленькую маркизу приютил и воспитал их садовник.

— Скажите, кажется, ваш дед был знаменитым художником? А откуда он родом? — спрашивала мадам Коттон, звеня ложечкой в кофейной чашке.

Я рассказала о Сурикове и о его казачьем происхождении от сибирских ермаковцев.

— А женат он был на казачке?

— Нет, как ни странно, он был женат на француженке, Елизавете де Шарет.

Мадам Коттон изумлена:

— Француженке? Притом еще дворянке, де Шарет! Как же она попала в Сибирь?

— Они встретились не в Сибири, а в Петербурге, куда мой дед поехал учиться живописи в Академии. А бабушкины родители встретились в Париже, ее мать была дочерью декабриста Свистунова, высланного во Францию вместе с семьей.

— Вот интересно! — оживилась Эжени. — Значит, обе семьи были из революционеров. Ведь де Шарет был известным революционером... А вы знаете, что в моей юности о нем пели песенку «Капитан де Шарет»? — И вдруг мадам Коттон слабым голосом запела песенку о капитане де Шарет.

Бог мой! Как могла я в эту минуту проявить столько легкомыслия и лености, что не записала эту песенку... Теперь, когда Эжени Коттон нет уже в живых, никто не пропоет мне этой мелодии и не продиктует этих слов...

Мадам Коттон провожала меня сама. В сереньком пальто, с непокрытой головой, стояла она возле калитки своей виллы «Джек», на мостовой переулочка. День был теплый, яркий, со старой липы, свесившей ветви над каменной оградой, сыпались на нас желтые крапчатые листья. Эжени взяла обе мои руки в свои хрупкие пальцы и смотрела на меня с милой, чуть перекошенной улыбкой.

— Ну, поцелуемся с вами, мадам! Когда-то мы теперь с вами встретимся.

Я схватила ее в объятия и крепко расцеловала.

— Идите вниз по улице, дойдете до моста, и сейчас же за ним станция метро, — заботливо напутствовала она меня. — Прощайте, мадам, передайте всем друзьям привет. Очень рада была с вами познакомиться и встретиться, хоть, может быть, вам эта встреча не принесла пользы... Но я очень люблю русских!

Если б только знала она, какую большую пользу принесла мне эта встреча...